

КОТ СЧАСТЬЯ

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

**Аксана Кобинец
Дария Каравацкая
Диана Лебедь
Ирина Инодина
Ирис Харди
Катерина Глинистая
Леколь Леколь
Людмила Коптева
Ника Веймар
Юлия Макаревич
Кот счастья**

<https://litres.ru/73542268>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда счастье приходит не с громким стуком в дверь, а с тихим мурлыканьем. Герои этого сборника не искали любовь, не верили в судьбу и давно разучились ждать чудес. Кто-то потерял надежду согреться в большом городе, кто-то смирился с одиночеством как с данностью, кто-то просто устал. Но чудеса выбрали их.

Десять авторов, десять историй о тепле, которое приходит на мягких лапах. Кто-то обретёт гармонию, подобрав замерзающего котёнка. Кто-то любовь, благодаря усатому провокатору, который упрямо толкает своего хозяина к переменам. А кто-то поймёт, что настоящее чудо всегда было рядом просто мурлыкало и ждало, когда же на него обратят внимание.

Тёплые, уютные и немножечко волшебные рассказы для всех, кто точно знает: если в доме есть кот, счастье уже стоит за дверью. Осталось только впустить его.

Содержание

КОТ СЧАСТЬЯ	5
Ника Веймар «Котострофа в кофейне»	7
Дария Каравацкая «Кружево времени»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Ника Веймар, Диана
Лебедь, Ирис Харди,
Аксана Кобинец,
Макаревич Юлия, Ирина
Инодина, Катерина
Глинистая, Дария
Каравацкая, Людмила
Коптева, Леколь
Кот счастья
КОТ СЧАСТЬЯ**

Иногда счастье приходит не с громким стуком в дверь, а с тихим мурлыканьем. Герои этого сборника не искали любовь, не верили в судьбу и давно разучились ждать чудес. Кто-то потерял надежду согреться в большом городе, кто-то смирился с одиночеством как с данностью, кто-то просто устал. Но чудеса выбрали их.

Десять авторов, десять историй о тепле, которое приходит на мягких лапах. Кто-то обретёт гармонию, подобрав замерзающего котёнка. Кто-то — любовь, благодаря усатому провокатору, который упрямо толкает своего хозяина к переменам. А кто-то поймёт, что настоящее чудо всегда было рядом — просто мурлыкало и ждало, когда же на него обратят внимание.

Тёплые, уютные и немножечко волшебные рассказы для всех, кто точно знает: если в доме есть кот, счастье уже стоит за дверью. Осталось только впустить его.

Ника Веймар

«Котострофа в кофейне»

Дождь барабанил по стёклам кофейни «Полночное зерно», превращая вечерний город в размытую акварель серых и рыжих оттенков. Я неторопливо протираю стойку, думая о том, что пора бы уже закрываться. Редкие прохожие, похожие на нахохлившись воробьёв, спешили домой. Вряд ли в такую погоду кто-то ещё заглянет на огонёк. Последний посетитель ушел минут двадцать назад, оставив на столике пустую чашку из-под лавандового латте и щедрые чаевые. Первая неделя работы выдалась вполне удачной, хоть и долгой. Вот и сегодня к концу дня ноги гудели. Моя кофейня ещё не успела набрать популярность, потому я была и за бариста, и за продавца, и за официантку, и за директора по маркетингу, будь он неладен. Но, кажется, пока я справлялась. Людям нравилась атмосфера уюта и спокойствия, которую я создала в «Полуночном зерне», деревянные стулья и столик в стиле шебби-шик у окна, аромат свежемолотого зерна, травяные чаи, от которых становилось легче на душе. И это была не просто фигура речи: я кое-что и впрямь могла. Слабенький ведьминский дар, перепавший от кого-то из далёких прапрапра, не наделил меня сверхспособностями. Я не могла кидаться огненными шарами или варить сложнейшие много-

компонентные мази, способные не просто бесследно заживить порез или язву, а даже отрастить палец. Так, по мелочи. Сварить мыло, смывающее не только грязь, но и свежие печали. Залить свечу на удачу или добрый путь. Ну или заварить особый травяной сбор для ясности мыслей и внутренней гармонии. На такое даже лицензия не требовалась, хотя я всё равно её получила. Знала наших бюрократов из службы магического контроля! Если столь любимого ими документа не было, тут же начинался допрос: а давно ли я замеряла уровень силы, а все ли сборы соответствуют требованиям и не превышает ли допустимая степень воздействия... С лицензией разговор с представителями СМК был короче: вот она — со всеми печатями, всего доброго.

Дождь за окном усилился, кажется, даже громыхнуло, и я окончательно уверилась, что пора закрываться. Крепив заколкой волосы, чтоб не мешали уборке, направилась к кофемашине слить остатки молока, и тут откуда-то из подсобки донеслось жалобное, протяжное:

– Мя-а-а-ау!

Я замерла, прислушиваясь. Вопль повторился — тонкий, отчаянный, пронзительный, явно свидетельствующий, что его пушистый обладатель угодил в серьезную переделку.

Мя-а-а-а-а-ау! Мя-а-а!

– Я бросилась в подсобку. Свет здесь был тусклым, одна-единственная лампочка под потолком, но его хватило, чтобы разглядеть источник воплей. Из старой стены выва-

лился кусок кирпича, а в образовавшейся дыре размером с кулак застрял кот. Точнее, с моей стороны находилась его лучшая половина: упитанный рыжий зад с пушистым хвостом, отчаянно дергающимся из стороны в сторону, и две задние лапы, беспомощно скребущие по кирпичам. Судя по акустике, кот попал в старую вентиляцию. И как только проскочил мимо меня в подсобку!

– Мать-природа, ну как тебя угораздило?! — я присела на корточки рядом с внезапным гостем. — Ну держись, сейчас что-нибудь придумаем, не бойся...

Я осторожно обхватила ладонями задние лапы, и кот тут же заорал так, что у меня заложило уши. Пришлось отпустить. Попробовала выдавить ещё один кирпич, но тщетно. Кладка держалась крепко как проклятие столетней ведьмы. Единственное слабое звено уже выпало, и несчастный любопытный кот намертво застрял. Понимая, что помощь рядом, он умолк, лишь хвост нервно бил по стене да вздымались пушистые бока.

– Тихо, тихо, я не обижу, — прошептала я, поглаживая зверька и пытаюсь придумать, как же его вытащить.

Применять магию я опасалась. Силовые заклинания мне никогда не удавались. Ещё обрушу всю стену целиком, и спастись придётся не только кота, но и меня. Нужен был другой вариант... Я обшарила взглядом полки с травами и наткнулась на молоток, который уже третий день забывала унести домой. Пойдёт! Бросилась к нему, схватила, и в этот момент

деликатно звякнул колокольчик над входной дверью, а следом раздался мужской голос:

– Есть кто?

Ещё никогда я так не радовалась посетителю. Выскочила из подсобки, готовясь просить о помощи, и слова застряли в горле. У стойки стоял мужчина лет тридцати в черной кожаной куртке с высоким воротником, из-под которого выглядывала эмблема, заставившая моё сердце неприятно екнуть. Серебряная руна, заключенная в алый круг. Агентство ликвидации магических аномалий. На правом рукаве незнакомца красовалась нашивка с тремя полосками. Не самый высокий ранг, но достаточный, чтобы давать широкие полномочия.

Темные, почти черные волосы намokли от дождя и прилипли ко лбу. Серые глаза смотрели цепко и внимательно. Маг. Причем сильный — я чувствовала это кожей, всеми нервными окончаниями, как чувствуют приближение грозы или землетрясения. Казалось, даже воздух вокруг него сгущался, становился плотнее, тяжелее. Я невольно сглотнула, неосознанно крепче сжав рукоятку молотка. Визит этой службы обычно не сулил ничего хорошего.

– Я никого не вызывала, — пробормотала я.

– Двойной эспрессо, пожалуйста, — попросил ликвидатор, понимающе усмехнувшись. — Если еще открыто. И если можно побыстрее, у меня...

– Мя-а-а-а-а-ау! МЯ-А-А-А-А! — разнеслось из подсоб-

ки с такой силой, что задребезжали бутылки с сиропами на полках.

Маг моргнул, переводя взгляд с меня на дверь подсобки и обратно.

— У вас там кто-то умирает?

— Кот застрял в стене! — выпалила я, опуская молоток на стойку. Слова полились, как вода из прорванной плотины. — Я не знаю, как он туда влез, дыра совсем маленькая, а он застрял, и я не могу его вытащить, кирпич не поддается, а тянуть боюсь, вдруг ему больно, вдруг задушу, а бить стену магией страшно, вдруг что-то не так сделаю, и он...

Ликвидатор поднял руку, останавливая меня.

— Могу помочь. Покажете?

Я закивала так отчаянно, что заколка, не выдержав, раскрылась, и непослушные рыжие кудри рассыпались по плечам. Провела мага в подсобку и указала на завывающего в стене страдальца. Ликвидатор присел рядом с котом, чутко пробежался пальцами по стене, и там, где он касался кирпичей, вспыхивало серебристо-зелёное свечение.

— Так-так-так, — пробормотал он, склоняясь ближе. — Очень интересно.

Его ладонь окутал мягкий свет, пополз по стене, заливая каждую трещинку, каждую неровность в старом кирпиче. Кот перестал орать, но затрепыхался с удвоенной силой.

— Что? — не выдержала я. — С ним что-то не так?

— С ним всё так, — ликвидатор коснулся кошачьей спины,

успокаивая паникующее животное. — Сейчас достану. А вот со стеной не всё хорошо. У вас тут аномалия.

Страшное слово упало в тишину подсобки, как камень в стоячую воду. Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица, как похолодели руки, как в животе склизким комом свернулось что-то неприятное и тяжелое.

— Это не моё! — выпалила я. — Я сняла это помещение два месяца назад, только закончила ремонт, а эту стену вообще не трогала! Она словно каменная!

— Не ваше, — неожиданно охотно согласился ликвидатор. — Ей лет пятьдесят, не меньше. Классическая пространственная щель, которая грамотно запечатана предыдущим владельцем. Была. Но со временем символы ослабли, а остаточная магия принялась разрушать кладку. Вам повезло, что удалось обнаружить её до прорыва, иначе...

Говоря это, он чертил на стене какие-то знаки, наливающиеся густым фиолетовым свечением. Закончив узор, оборвал лекцию на полуслове и предупредил:

— Сейчас будет громко.

Не дожидаясь моей реакции, резко взмахнул ладонью, прочертив в воздухе завершающую руну. Гроыхнуло так, что на миг заложило уши. Кирпичи осыпались мелкой красной крошкой, и кот с негодующим, обиженным воплем вывалился наружу, прямо в подставленные руки мага, подхватившего рыжий комок с профессиональной ловкостью и сноровкой.

— Ну вот и наш герой, — усмехнулся он, разглядывая животное. — Куда ты лез, любопытный?

Кот оказался довольно упитанным, рыжим, с белой грудкой и белыми носочками на лапах. Одно ухо было целым, второе — наполовину разорванным, очевидно, в какой-то давней драке. Судя по отсутствию ошейника и недоверчивому взгляду, профессиональный бродяга. Фыркнув, кот недовольно тряхнул головой, осыпая мага кирпичной пылью, прыгнул на пол и с достоинством уселся у стеллажа, начав вылизывать помятую, измазанную шерсть. Сосредоточенно, методично, с таким видом, будто подсобка принадлежала ему, и он нас сюда не приглашал.

— Похоже, с ним все в порядке, — констатировал ликвидатор, вставая и отряхивая руки от пыли. — А вот с вашей кофейней не всё гладко. Аномалию нужно закрыть, иначе через неделю-другую здесь проявится что-нибудь неприятное. Крысы величиной с собаку, например.

— И сколько это будет стоить? — обреченно спросила я. — Ну, чтобы побыстрее решить вопрос.

Тянуть было не в моих интересах. До ликвидации аномалии агентство вполне могло потребовать закрыть кофейню. Тем неожиданнее оказался ответ:

— Нисколько. Это моя работа. И, раз уж я так удачно оказался здесь, предлагаю сегодня же и разобраться с вашей аномалией. — Маг отогнул край куртки, демонстрируя эмблему. — Стас Северин, агент третьего класса. И всё-таки

буду очень признателен за двойной эспрессо.

— Да, конечно! — Я обрадованно кивнула и тоже представилась: — Лиза. Лиза Василевская. Может, что-то ещё? У меня остался трюфельный медовик.

— Кофе будет достаточно, — спокойно отказался Стас.

Он направился к выходу и через несколько минут вернулся с небольшим чемоданчиком с эмблемой агентства. Снял мокрую куртку, повесил её на вешалку. Я протянула магу стаканчик с кофе, а мой взгляд так и прикипел к кожаным наручам с фиолетовым кристаллами и светящимися символами. Ого! Так он не просто ликвидатор, он специалист по магическим печатям! Фиолетовые кристаллы носили они. Вот это повезло!

— Скорее всего, вы задели печать во время ремонта, — пояснил Стас, раскладывая инструменты. — Так бывает в старых домах. Печати накладывали наспех, во время последней войны или сразу после нее, когда аномалий было много, а специалистов мало. Со временем символы начали разрушаться, а ваш ремонт просто ускорил процесс. Ничего, сейчас всё исправлю.

Он работал сосредоточенно и быстро, уверенными чёткими движениями чертя медным стилусом знаки прямо на кирпичках. Символы вспыхивали один за другим, складываясь в единую систему, словно разрозненные ноты в мелодию. Я тем временем забила в поиск адреса ближайших ветклиник и отыскала ту, что работала круглосуточно. Кот тем временем

запрыгнул на свободную полку на стеллаже и улёгся, внимательно наблюдая за тем, как агент Северин запечатывает аномалию. Я тем временем отыскала картонную коробку и, прикинув размеры кота, сочла её вполне подходящей на роль временной переноски.

– Готово, — сообщил ликвидатор, поднимаясь.

– Спасибо, — искренне поблагодарила я и предложила: — Может, ещё кофе?

– Буду признателен, — согласился он. — Лиза, кажется, вы ещё что-то говорили про трюфельный медовик? Я понимаю, что уже... — Он глянул на часы. — ... начало одиннадцатого, и вы не обязаны...

– Мне несложно, — перебила я. — Вы тоже были не обязаны задерживаться.

– В таком случае, я вас подвезу, — решил мужчина, доставая бумажник. — Сколько с меня за два кофе и кусок торта?

– За счёт заведения, — улыбнулась я.

Рыжий кот тем временем совсем освоился. Вышел из подсобки, по-хозяйски прошёлся по кофейне, с интересом принюхался к пустому пакету из-под молока и облизнулся.

– Извини, дружок, взрослым котам молоко вредно, — я погрозила ему пальцем. — Но дома есть куриная грудка.

– Вы его заберёте? — поинтересовался Стас.

– Конечно! — я даже слегка удивилась вопросу. — Не на улицу же его выкидывать. Тем более, рыжие коты к счастью. А конкретно этот кот ещё и аномалию в моей кофейне обна-

ружил. Я умею быть благодарной.

— Правильно, — ликвидатор улыбнулся. — Коты в кофейнях необходимы для атмосферы. Так понимаю, вы ведьма?

— Слабенькая, — призналась я. — Травничество, лёгкие защитные чары, немного целительства. Ничего запрещённого. И лицензия у меня есть.

— А разве она вам нужна? — удивился ликвидатор.

Я посмотрела на него с благодарностью. Ну хоть кто-то в курсе, что нет!

— С ней спокойнее, — просто пояснила я.

Мужчина допил кофе и поднялся. Предложил:

— Помочь вам усадить этого бандита в коробку?

Кот презрительно взглянул на него, поднялся и, к моему удивлению, прошествовал к коробке сам, гордо задрал хвост. Запрыгнул в неё и улёгся. Я, не выдержав, негромко рассмеялась. Не бандит, а профессор! Может, так и назвать?.. Оценивающе взглянула на кота, мысленно примеряя новое имя, и покачала головой. Нет, не подходит. Профессора не застревают в стенах, а потом не воют в вентиляцию.

— Чайковский! — я щёлкнула пальцами. — Точно!

Кот шевельнул ушами и прикрыл глаза. Похоже, он не возражал.

— Орал он и впрямь музыкально, — хмыкнул Стас, надевая куртку. — Не каждый день такое услышишь.

— А вам часто приходится спасать котов? — не удержалась я, поднимая коробку с Чайковским.

Стас усмехнулся, и усмешка эта вдруг сделала его моложе, смягчила усталые черты лица.

– Первый раз. Обычно я закрываю бреши, из которых лезут твари похуже. Импы, тени-воришки, иногда — элементы, если аномалия сильная. Один раз пришлось аннигилировать нечто, похожее на осьминога из кошмаров. Три щупальца, пять глаз, и орала эта тварь как банши.

– Звучит так себе, — я поёжилась.

– Рутинная работа агента по ликвидации аномалий, — он пожал плечами. Не хвастался, просто констатировал факт. — Так что этот рыжий и пушистый внёс приятное разнообразие в трудовые будни. Да и всегда приятно помочь милой девушке.

Я слегка смутилась от неожиданного комплимента. Ведьмы были невезучи в любви, и здесь мой слабенький дар, увы, себя тоже проявил. Окажись на моём месте кто-то другой, и история совместного спасения Чайковского могла бы перерасти в красивую романтическую сказку... Тряхнув головой, я отогнала от себя глупые мысли. Вышла следом за ликвидатором, закрыла кофейню и села на заднее сидение, поставив коробку с котом на колени.

Визит в ветклинику меня приятно порадовал. На удивление, бродячая жизнь не наградила Чайковского всякими неприятными болячками вроде лишая. Кот был здоров как бык! Стас благородно дождался нас в холле, после настоял на том, чтобы заехать в круглосуточный гипермаркет и ку-

пить коту «приданое». Оплатил сам, а на мои попытки возразить, заявил, что чувствует ответственность за спасённого, и хочет принять посильное участие в жизни Чайковского.

К моему дому мы приехали около часа ночи. Стас дождался, пока я зайду в подъезд, и лишь тогда уехал. Номер телефона не попросил, и я тихонько вздохнула про себя. Вот и всё, знакомство снова завершилось ничем. Зато у меня теперь есть кот.

Чайковский оказался умницей. Сразу пошёл в лоток, с удовольствием полакомился влажным кормом и устроился рядом со мной на диване, тихонько мурлыкая. Так, под его уютную песенку, я и заснула.

А вот утром кот наотрез отказался оставаться один. Ходил за мной хвостом, жалобно мяукал и всем своим видом показывал, что погибнет в одиночестве. Пришлось смириться, открыть купленную накануне переноску и вызвать такси.

В кофейне он тут же устроился на подоконнике, жмурясь на утреннее солнце. Чисто вымытая шерсть переливалась золотистыми искорками. И живая реклама сработала! Люди, проходя мимо витрины, замедляли шаг, а после решительно сворачивали к двери. Брели кофе навынос, гладили Чайковского и уходили с улыбками на лицах. Некоторые даже фотографировали стаканчик латте или эспрессо на фоне дремлющего кота. У меня ещё никогда не было столько посетителей!

Наконец, людской поток иссяк, и я воспользовалась пере-

дышкой, чтобы нарезать медовик. Если так пойдёт и дальше, к вечеру десертов не останется. Может, заказать, пока не поздно?

Над входной дверью звякнул колокольчик, и я обернулась, приветливо улыбаясь очередному посетителю. На пороге стоял Стас Северин.

– Доброе утро, Лиза, — произнёс он. — Двойной эспрессо навынос, пожалуйста. Без сахара.

Приложил карту к терминалу, и, пока я готовила кофе, присел за столик. Погладил лежащего на подоконнике Чайковского, и тот довольно замурлыкал.

– Я хотел узнать, как кот, но вижу, что в полном порядке, — произнёс он.

– Живёт свою лучшую жизнь, — кивнула я. — С утра съел полбанки тунца и устроил скандал, когда понял, что я планирую оставить его одного. Ругался по-кошачьи и бросался под ноги. Пришлось взять его с собой на работу.

– Коты отлично справляются с дрессировкой людей, — усмехнулся ликвидатор. — Хорошего дня.

Взял свой кофе и вышел. Я проводила его задумчивым взглядом. Надо же, какой ответственный. А ведь мне на мгновение показалось... Впрочем, глупости! И вообще, я собиралась заказать пирожные! Но мысли то и дело возвращались к Стасу Северину. Я бы хотела увидеть его снова.

И желание исполнилось! Стас заезжал каждый день в одно и то же время и брал двойной эспрессо навынос. Это стало

ритуалом: утренний кофе, несколько дежурных фраз, иногда — короткий разговор, если время позволяло. Я ждала этих визитов. Начала просыпаться раньше, чтобы успеть сделать лёгкий макияж и заплести волосы не в небрежный пучок, а в аккуратную косу. Чайковский наблюдал за этими приготовлениями с нескрываемым интересом, и в зеленых глазах плясали озорные огоньки. Он всё так же ездил со мной на работу, и я не возражала. Кот стал живым талисманом кофейни, и многие посетители заглядывали, чтобы погладить его на удачу. И, конечно, что-нибудь купить.

А через неделю случилось кое-что странное. Стас, как обычно, заехал утром, забрал двойной эспрессо, перекинулся со мной парой слов и вышел. Но тут же заскочил обратно, и вид у него был крайне встревоженный.

— Лиза, у вас есть камера? — спросил он.

— Нет, — я покачала головой. — Что-то произошло?

— Похоже, кто-то угнал мой седан.

Я охнула. Кому понадобилась машина с эмблемой агентства ликвидации аномалий? Стас тем временем активировал приложение на телефоне и нахмурился.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Трекер показывает, что машина рядом.

Он вышел из кофейни, и я выскочила за ним. Обогнув здание, мы оказались на заднем дворе возле мусорных баков. Седан был там, аккуратно припаркованный у бордюра. А на приборной панели развалился Чайковский.

– Хитрая рыжая морда! — с чувством произнёс Стас, разблокировав двери. — Просочился в приоткрытое окно и умудрился активировать автопилот! Брысь из машины!

Потревоженный кот закончил принимать солнечные ванны, царственно потянулся и неторопливо спустился на сидение, а оттуда спрыгнул на асфальт. И в каждом его движении читалось: он, Чайковский, решил выйти сам. Распоряжения какого-то двуногого ни при чём!

– Может, кусок торта? — предложила я. — В качестве извинений за этого... виртуоза!

Стас задумался на мгновение, затем с сожалением покачал головой:

– Спешу. Но могу заехать вечером. И только с условием, что вы составите мне компанию.

– Ты, — поправила я. — Хорошо.

– Тогда до вечера.

Ликвидатор поднял недовольно мяукнувшего Чайковского и протянул мне. С котом на руках я вернулась в кофейню, чувствуя, как губы то и дело расплзаются в счастливой улыбке.

Стас приехал к закрытию. Привёз банку тунца для Чайковского и горшочек с живыми тюльпанами для меня. Удивлённо приподнял бровь, когда я поставила на стол коробку с пищей.

– Я решила, что обещанный тортик подождёт, — пояснила я. — Ты наверняка голодный. Не знала, какую ты любишь,

взяла самую мясную

— Ты не поверишь, — негромко рассмеялся ликвидатор.
— Подожди минутку.

Он вышел к машине, и вернулся... с двумя коробками пиццы. Притом той же сети.

— Я тоже не знал, какая тебе нравится, поэтому взял «Четыре сыра» и «Ассорти».

— Я ем всё, — заверила я. — Но больше всего люблю пиццу с ананасами. Вкусы у ведьм специфичны.

— У нас много общего, — неожиданно широко улыбнулся Стас. — Мне она тоже нравится.

— Тебе как обычно? — уточнила я, направляясь к кофемашине.

— Нет, — покачал он головой. — Завари мне что-нибудь на свой вкус. То, что считаешь нужным.

Удивил! Но отказывать я не стала. Руки сами потянулись к нужным баночкам. Немного иван-чая, пара листиков мелиссы, три бутона белых роз, веточка чабреца, сушёная вишня и цедра лимона. И щепотка имбиря, как завершающий штрих. Идеальное сочетание, чтобы мягко восстановить силы. Стас выглядел усталым, хоть и пытался это скрыть. Наверняка день выдался тяжёлым.

Эта спонтанная вечерняя встреча (нет, я всё ещё не хотела называть её свиданием!) выдалась уютной и тёплой. Мы ели пиццу, смеялись и болтали обо всём на свете. О работе, о жизни, о мелочах. Я рассказывала про то, как открывала

кофейню и делала ремонт, про посетителей, про травы. Стас — про аномалии, про коллег, про те редкие случаи, когда работа приносила не только усталость, но и удовлетворение.

Потом он отвёз нас с Чайковским домой и наконец-то предложил обменяться номерами телефонов. На всякий случай. Конечно, это ещё ничего не значило, но в квартиру я поднималась с мечтательной улыбкой на губах. А мысли о том, что утром мы снова встретимся, хотя бы на пять минут, грели сердце.

* * *

Номер телефона пригодился раньше, чем я думала. Следующим же вечером, выпуская Чайковского из переноски, я услышала, как что-то звякнуло внутри. Запустила руку, разворошив пледик, и вытащила связку ключей. Не моих.

Чайковский с невинной мордой сидел на пуфике и умылся. Но я могла поклясться, что в зелёных глазах кота мелькают хитрые искорки. Я почти не сомневалась в личности хозяина ключей. И когда только Чайковский успел стащить их! Стас ведь провёл в кофейне всего пять минут! Мама, я воспитала кота-клептомана...

Достав смартфон, я отыскала нужный контакт и нажала иконку вызова. Стас ответил почти моментально.

— У меня странный вопрос, — проговорила я. — Ты ключи не терял?

— Откуда ты... — начал было он, но осёкся. — Они в кофейне?

— Они у меня дома, — вздохнула я. — Кое-кто рыженький нашёл себе новую игрушку-погремушку и старательно закопал в плед в переноске. Только сейчас обнаружила. Заберёшь?

— Буду через полчаса, — коротко ответил он.

Я сбросила в смс номер квартиры и код подъезда и направилась на кухню. Как раз успею обжарить домашние блинчики с сыром и курицей. Чайковский вился у ног, выпрашивая угощение, но в этот раз я была непреклонна. Не заслужил!

Стас позвонил в мою дверь ровно через полчаса. Он выглядел измученным: волосы растрепаны, на лбу блестела испарина, куртка испачкана чем-то, что подозрительно напоминало болотную тину.

— Плохой день? — сочувственно спросила я, едва он переступил порог.

— Кошмарный. — Ликвидатор опустил на пуфик в прихожей так тяжело, словно на нем были гири вместо ботинок. — Аномалия в пруду в заброшенном доме. Там была целая куча мутировавших ужей, головастика и жаб. От кваканья в ушах звенит. Пока их аннигилировал, пока поставил печать... Вернулся домой, и понял, что ключей нет. Решил, что выронил там, у пруда. Два часа с фонариком искал.

Я укоризненно посмотрела на Чайковского. Тот ответил мне фирменным невинным взглядом: мол, котик ни при чём,

котик ничего не брал, ему подкинули враги!

— Наглая рыжая морда, — вздохнула я. — Мне кажется, ты ему нравишься.

— Взаимно, — устало улыбнулся Стас. — Рыжих невозможно не любить.

И ведь наверняка ничего такого не имел в виду, но у меня от его слов сладко замерло в груди. Чтобы скрыть смущение, я бойко произнесла:

— Кстати, у меня как раз готовы блинчики с мясом. Мой руки и приходи.

Отказываться он не стал. Но когда после ужина засоби-рался домой, мирно дремавший на когтеточке Чайковский моментально проснулся, спрыгнул и встал у двери, перекрыва-вая путь.

— Кот, успокойся, на улице ночь и мы никуда не идём, — произнесла я.

Протянула ладонь, чтобы погладить питомца, но тот увер-нулся и встал возле ног Стаса. А потом и вовсе лёг на его ботинки.

— Кажется, он не хочет, чтобы я уходил, — негромко хмыкнул мужчина.

Чайковский одобрительно мурлыкнул, словно подтвер-ждая его слова и сильнее прильнул к ботинкам, обняв их лапками. — Рыжий манипулятор. И что нам с этим делать?

— Не знаю, — я пожала плечами. — А ты? Ты хочешь уйти?

Стас покачал головой, не сводя с меня взгляда. Протянул руку, осторожно убрал прядь волос с моего лица, заправил за ухо, и от этого прикосновения по коже пробежали мурашки.

— Может, ему и правда виднее, — тихо произнёс он. — Коты чувствуют магию лучше людей. Может, чувствуют и... другое.

— Может, — прошептала я.

Стас пах хвоей и чем-то терпким, магическим, и от этого запаха кружилась голова. А еще он был слишком близко, и я видела каждую ресничку, каждую мелкую морщинку у глаз, тонкий, едва заметный шрам на скуле, о котором давно хотела спросить, но не решалась. Ликвидатор шагнул ближе, и я затаила дыхание, чувствуя, как колотится сердце.

— Лиза, — проговорил он. — Я... я плохо разбираюсь в таких вещах. В отношениях. У меня работа, которая отнимает все время, и характер не подарок, и ликвидаторы в принципе редко находят себе пару...

— Стас, — перебила его я. — А ведьмы вообще невезучи в любви! Поэтому заткнись и поцелуй меня наконец. А дальше — будь что будет.

Он удивлённо моргнул, а потом усмехнулся — той самой усмешкой, которая делала его моложе, — наклонился и поцеловал. Медленно, осторожно, словно боялся спугнуть. Его губы были теплыми, нежными, и от этого поцелуя закружилась голова. Кажется, я безнадежно, глупо, стремительно влюбилась в сероглазого ликвидатора с усталым взглядом,

и эту сердечную аномалию невозможно было закрыть ни одной печатью. И, похоже, она захватила не только меня.

Неделю спустя мы с Чайковским переехали к Стасу. Его квартира была небольшой, по-холостяцки пустой, но я знала, как сделать её уютной и наполнить жизнью и светом. Пока мы разбирали вещи, кот изучал новую территорию и выглядел абсолютно довольным.

— Знаешь, — сказал Стас вечером, когда мы сидели на кухне и ели пиццу с ананасами прямо из коробки, — я думал, что останусь один. Работа у меня такая: не располагает к семейной жизни. Аномалии не спрашивают, удобно ли тебе сейчас их закрывать, и далеко не каждая женщина станет мириться с ненормированным графиком своего мужчины. А потом я встретил тебя. И кота. И все изменилось.

— Кота? — усмехнулась я. — Значит, кот тоже в списке важных персон?

— Определенно. — Стас посмотрел на Чайковского, который устроился у батареи и дремал. — Две самые важные и любимые рыжие персоны. Без него мы бы не встретились. И я ему за это благодарен.

Я привстала, чтобы поцеловать любимого в щеку.

— Я тоже ему благодарна. Очень.

Чайковский открыл один глаз, посмотрел на нас долгим взглядом, в котором читалось полнейшее удовлетворение, и снова заснул. Его работа была сделана. План по сведению двух одиноких сердец выполнен, и в мире стало больше на

одну счастливую ведьму и столь же счастливого ликвидатора. А что ещё нужно одному умному рыжему коту? Разве что дополнительная порция любимого паштета из тунца. Заслужил!

Дария Каравацкая

«Кружево времени»

Вечер опускался на город медленно, точно ситечко в чашку с чаем, — сперва робко, потом плотнее, и вот уже за окном, за тройной рамой, всё стало густо-синим, а потом и вообще черным. Вера зажгла лампу. Настольную, с длинной, гнущейся шеей и зелёным абажуром, доставшейся ещё от бабушки. Лампа эта давала свет ровный, холодный и безжалостный, как в операционной, и Вере это нравилось. В таком свете не спрячешься, не соскользнёшь в полумрак — всё видно, всё четко, под контролем.

Перед ней на специальной подушечке, обтянутой чёрным бархатом, лежал воротничок. Конец девятнадцатого века, машинное кружево, но с ручной подшивкой, хлопок, сильно изношен, утраты по краю, в одном месте — аккуратный разрыв, будто его зацепили брошкой. Вера работала уже третий час, и в комнате стояла та особенная тишина, какая бывает только в присутствии очень сосредоточенного человека — натянутая, как звонкая нить в игле.

Она жила одна. Это был не выбор и не случайность, а скорее свойство природы, вроде цвета глаз или формы ногтей. С детства Вера не выносила беспорядка. Мать, женщина суетливая и шумная, говорила: «Верка у нас — маленькая ста-

рушка. Всё по полочкам, всё разложит, пылинки сдует». Тогда, в детстве, это звучало как похвала. А выбора у нее и не было. Единственный ребенок в семье трудоголиков, главная надежда и опора. Она всегда чувствовала, что должна радовать и угождать родным. Быть безупречной, оправдать все ожидания и надежды родителей.

Квартирка у Веры была маленькая, в старом доме, но каждая вещь в ней знала своё место. На кухне — ни крошки, ни лишней ложки. В комнате — диван, стол, стеллаж с книгами по истории костюма и реставрации, шкаф с материалами. На подоконнике — ни одного цветка. Вера считала, что цветы — это грязь, осыпающиеся листья, мошки в земле. Ей было достаточно вида за окном: крыши, трубы, изредка птицы.

В последние полгода она особенно тщательно следила за порядком. С тех самых пор, как Савелий...

Вера отложила иглу, сняла очки и потёрла переносицу. Сава... Вот ведь имя как вспомнишь — и сразу что-то ёкает, хотя, казалось бы, прошло достаточно времени. Познакомились они на выставке — он подошёл посмотреть её работу, сказал что-то умное про узор и воздух. Она тогда даже улыбнулась — редкость для неё. Потом были встречи, чай в кафе, его шутки, её сдержанные ответы. Ей казалось, сейчас определенно начинается что-то настоящее. Она даже позволила себе помечтать, что вот придёт кто-то, кто оценит её аккуратность, её преданность делу, её тихий дом. И ее обязательно примут, полюбят.

А он сказал в тот вечер, когда она впустила его к себе впервые. Сидел сперва полчаса, осматривался и выдал: «Слушай, Вер. А у тебя тут как в музее. Или в операционной. Всё так чисто, так правильно, пусто... Дышать нечем. Ты даже когда кофе пьёшь, наверное, по весам отмеряешь?» Она тогда растерялась, попыталась возразить: «Но ведь порядок — это хорошо. Всему свое место». А он только рукой махнул: «Хорошо-то хорошо, да, блин, тоска смертная... Я, Вер, не хочу быть экспонатом в твоём собрании. Мне жить охота. Без линеек и... ну, всего этого». И следом ушёл. Так тихо прикрыв дверь, будто покинул библиотеку.

Вера тогда не плакала. Она села за стол, достала неоконченную салфетку бабушки, с которой никак не могла справиться, и проработала до трёх ночи. Сперва челноками доплетала край, а потом взяла в руки тупую иглу. Та ходила ровно, стежок к стежку, и в этом движении было такое успокоение. Вера тогда задумалась: «Значит, надо быть ещё лучше. Надо разработать план, продумать детали. Чтобы больше никто никогда не посмел сказать, что во мне что-то не так».

С тех пор она и стала одержима идеальной реставрацией. Не просто восстанавливала вещицы, а безупречно стирала с них все следы времени, все следы жизни. Чтобы было как новое. Чтобы никто и не догадался, что здесь когда-то было пятно, или разрыв, или некрасивый узелок, что завязала чья-то неловкая рука.

Особенно её мучила одна вещь — фата родной прабаб-

ки Лидии. Вера никогда её не видела, только на старой, выцветшей фотографии. Прабабка стояла вполоборота, лицо размыто движением, а вот фата — крупное, ручной работы кружево, явно в венецианском стиле, с тяжёлым, цветочным узором — была видна отчётливо. Бабушка, еще при жизни, рассказывала: фата эта счастливая была. Лидия её на свадьбе порвала, и зашивали наспех, но прожила она с прадедом долго и хорошо. А где теперь та фата — никто не знал. Пропала в войну, или сгорела, или просто истлела в сундуке. Но Вера почему-то была уверена: такая прелестная фата существует. И она её найдёт. А после восстановит так, что никто и не узнает, где был тот самый разрыв.

Воротничок был закончен. Вера отложила его, взглянула на часы — половина двенадцатого. Пора спать. Завтра нужно зайти в одну лавку на Подвальной, говорят, там старик торгует старыми инструментами, может, найдётся напёрсток с серебряным напылением, какие уже не делают.

Она погасила лампу, и комната сразу стала чужой, наполненной тенями. Вера лежала в постели и смотрела в потолок, где играл свет от уличного фонаря. И вдруг, в первый раз за долгое время, подумала о Саве не с обидой, а с чем-то другим. С каким-то смутным чувством, похожим на вопрос: «А вдруг он прав? Вдруг я и правда — как музей?»

Но тут же прогнала эту мысль. Утро вечера мудренее.

Лавка на Подвальной оказалась именно такой, как о ней говорили: незаметная, с покосившейся вывеской «ЧАСЫ. ПОЧИНКА. ПРОДАЖА» и окнами, заставленными пыльными циферблатами так, что внутрь и не заглянешь. Вера толкнула дверь — колокольчик звякнул жалобно, точно у него самого какой-то механизм ослаб.

Внутри было темно и густо. Густо от запахов: старого дерева, машинного масла, лаванды (наверное, против моли) и ещё чего-то сладковатого, вроде табака или сушёных трав. И время здесь, казалось, текло иначе. Тиканье десятков, а может, и сотен часов накладывалось одно на другое, создавая странную, пульсирующую какофонию, от которой начинало слегка кружиться голова. Одни часы отбивали секунды, другие — четверти, третьи вовсе стояли, но в этом разное чувствовался свой, особый ритм.

За прилавком никого не было. Вера кашлянула, потом позвала: «Есть кто?» Тишина в ответ. Она уже хотела повернуться и уйти, как вдруг заметила движение. На высоком, обшарпанном табурете, прямо у кассы, сидел кот.

Огромный, полосатый, с шерстью странного цвета — то ли рыжей, то ли песочной, но с тёмными подпалинами, из-за которых казался почти золотистым в полумраке. И шерсть у него была какая-то мокрая... Кусочками, прядями, будто он

только что пролез под струями воды. Кот сидел неподвижно, точно статуэтка, и смотрел на Веру.

У Веры, признаться, ёкнуло. Она не боялась котов, но и не любила. Они были для нее источником шерсти, царапин и непредсказуемости. А этот к тому же смотрел слишком пристально. Смотрел так, будто оценивал: своя или чужая, достойная или пустая. Жёлтые глаза его в полутьме светились слабо, но пристально.

— Кис-кис, — сказала Вера для порядка, больше чтоб разбавить напряжение.

Кот даже ухом не повёл.

— Маркович, ты где там? — раздалось из глубины лавки. — Опять кот твой на дороге сидит, проходу нет!

Из-за тяжёлой портьеры, отделявшей торговый зал от жилой части, вышел старик. Невысокий, сухой, с лицом, изрезанным морщинами так густо, будто кто-то нанёс на пергамент карту старых дорог. Глаза у него были умные, быстрые и почему-то очень усталые. Он глянул на Веру, на кота, усмехнулся:

— А, Ванька. Опять мокрый? Где ж ты воду-то нашёл? В фонтане что ли? Так он же сто лет как не работает.

Ванька медленно перевёл взгляд со старика на Веру и обратно, но с табурета не слез.

— Вам чего, девушка? — спросил старик, протирая очки. — Часы? Или починить что?

— Напёрсток мне нужен, — сказала Вера. — Старый, с се-

ребрыным напылением внутри, под палец. Для тонкой работы. У вас есть такой?

— Для кружев? — Старик вдруг оживился. — Вы шьете или может реставрируете?

— Да... То есть — да, реставрирую.

Старик кивнул, будто ответ этот ему о чём-то сказал, и полез куда-то под прилавок, в ящики, зашуршал бумагой. Вера стояла и молча ждала. Кот сидел всё так же неподвижно, но теперь его взгляд был устремлён не на неё, а куда-то в угол, на старый, резной комод красного дерева, стоявший у стены.

— Есть у меня такой, — бормотал старик из-под прилавка. — Должен быть. Давно лежит, никому не нужен. А кому нужен, тот не знает, где искать...

Вера хотела ответить, но вдруг кот спрыгнул. Тяжело, с глухим стуком, приземлился на пол, потянулся, выгнув спину дугой, и неторопливо, вразвалочку, направился к тому самому комоду. Подошёл, сел перед нижним ящиком и начал его царапать. Негромко, но настойчиво — цап-царап, цап-царап.

— Ванька, — строго сказал старик, выныривая из-под прилавка с запылившейся коробочкой в руке. — Брось. Не балуйся.

Но кот даже не обернулся. Продолжал царапать ящик.

Вера смотрела на это с недоумением. Старик вздохнул, поставил коробку на прилавок, подошёл к комоду. Кот тут же отошёл в сторону и снова сел, теперь уже глядя на старика

с выражением, которое можно было истолковать только как: «Ну, открывай, чего стоишь?»

— Чудит он у меня, понимаешь ли, — как бы извиняясь, сказал старик, отворяя ящик. — Иногда такое принесёт — диву даёшься. Думаешь, откуда? А он знает. У него нюх на старые вещи. Или чутьё. Называй как хочешь.

Он запустил руку в ящик, полный всякого хлама — старых пружин, гаек, обрывков цепочек, — и пошарил там. Он тут же сосредоточился, нащупал что-то и вытащил. В руках лежал небольшой холщовый свёрток, перевязанный грубой ниткой.

— Вот, — сказал старик почти шёпотом. — А я и забыл, что это здесь лежит. Давно лежит, получается. Ванька принёс. Ещё когда...

Старик не договорил, протянул свёрток Вере. Она взяла с каким-то странным трепетом. Шнурок развязался легко, будто только и ждал. Холст разошёлся, и она увидела кружево.

Это был обрывок. Неровный, выцветший, с одной стороны явно оторванный от чего-то большего. Но узор... Нет, этого не могло быть! Узор был тот самый. Абсолютно точно. Тяжёлые, выющиеся листья, почти живые, переплетались в сложном ритме. Тот узор, который она видела на фотографии. Который снился ей. Который она искала...

— Откуда у вас это? — выдохнула Вера, чувствуя, как у неё задрожали пальцы. — Это же... Это фата моей прабабушки.

Как это возможно? Откуда?..

Старик посмотрел на кота. Ванька сидел, как египетский сфинкс, и жмурился.

— Я же говорю, — тихо ответил старик. — Ванька принёс. Где нашёл — не знаю. Может, на чердаке где, может, в подвале. А может, и не здесь вовсе. Он у меня, кхм, особенный, так сказать...

Вера смотрела на кружево, и глаза её застилало туманом. Год... Год поисков, запросов в архивы, расспросов дальних родственников — и вот оно, здесь, в пыльной непонятной лавке, лежит и ждёт её.

— Сколько? — спросила она, хватая ртом воздух. — Сколько вы за него хотите? Я заплачу любые деньги.

Старик покачал головой.

— Не продаётся, девушка. Оно не моё. Ванька принёс — значит, он и хозяин. А он, — старик кивнул на кота, который теперь демонстративно вылизывал лапу, — он денег не берёт. Сам решает, кому отдать. Раз он вам его показал — значит, всё, оно теперь ваше.

Вера растерялась:

— Но как же... Я не могу просто так взять. Это же ценность.

— Ценность, — усмехнулся старик. — Ценность не в деньгах. Вон у меня часов сколько — тоже ценность. А никому не нужны. Берите. Видно, такова судьба.

Вера сжала свёрток в руках.

— Спасибо, — сказала она, глядя то на старика, то на кота.
— Я... я не знаю, как благодарить.

— Благодарите Ванька, — махнул рукой старик. — А как почините, приносите — покажете. Интересно мне, что там дальше будет.

Вера вышла из лавки, прижимая свёрток к груди. У двери она оглянулась. Кот сидел на пороге и смотрел ей вслед. В луче уличного фонаря его мокрая шерсть блестела точно серебряная.

* * *

Дома Вера долго не решалась развернуть кружево. Положила свёрток на стол, включила лампу, села и просто сидела, глядя на бумажный конверт. Руки дрожали. Она боялась, что, когда развернёт, окажется, что это ошибка, что узор не тот, что она обозналась.

Но узор был тот.

Она разложила обрывок на чёрном бархате. Он был мал — примерно треть всей фаты. По краям сохранились фрагменты, вполне достаточные по узору, чтобы восстановить остальное целиком. Вера смотрела на кружево и видела его как чертёж, как схему. Она уже знала, какие нитки подберёт, какими узелками пойдёт, где сделает укрепляющую сетку, а где — филигранную подделку.

В ящичке стола у неё лежали современные нитки. Лучшие,

какие только можно купить. Синтетика с добавлением хлопка — прочные, почти невесомые, с идеальной круткой. По цвету они подходили идеально — рукодельницы прошлого бы обзавидовались.

Вера взяла одну катушку, покрутила в пальцах. Хорошая нитка. Надёжная. Такая точно не порвётся, не истончится со временем. С ней можно сделать работу, которая прослужит ещё сто лет.

Она сделала первый пробный стежок на самом краю. Всё было прекрасно. Нитка ложилась ровно, не пушилась, не скручивалась. Но что-то мешало. Какое-то беспокойство, будто за ней кто-то следит. Вера оглянулась — никого. Окно закрыто, дверь заперта. Тишина.

Она взяла иглу, чтобы начать, и вдруг поймала себя на мысли, что боится испортить. Не кружево — а что-то другое. То, что было в этом обрывке помимо ниток...

— Глупости, — сказала она вслух. — Работа есть работа. Но иглу отложила.

В ту ночь ей приснился сон.

Она стояла на краю поля. Высокая трава, васильки, где-то далеко — лес. Солнце печёт, но не жарко, а ласково, как в детстве. И по полю бежит женщина. Молодая, в длинной светлой рубаше, босиком. На голове у неё — фата. Та самая, с цветочным узором. Фата развевается, цепляется за высокие стебли, путается в колосьях. Женщина смеётся, запрокинув голову, и бежит прямо на Веру.

Вера хочет крикнуть: «Осторожно! Фату порвёте! Остановитесь!» Но голоса нет. Женщина пробегает мимо, даже не взглянув, и Вера видит, как подол фаты зацепляется за сухую ветку, раздаётся треск — и кружево рвётся.

Вера проснулась в холодном поту.

В комнате было темно. Лампа погашена. Ни звука. Только сердце колотится где-то в горле.

Она села на кровати, обхватила колени руками. Сон был такой яркий, такой настоящий. И почему-то было обидно до слёз — за порванную фату. Будто это она сама испортила что-то важное.

— Глупости, — снова повторила Вера шёпотом. — Просто перенервничала, эмоции и всё такое...

Она легла, поправила подушку, закрыла глаза. Но долго ещё ворочалась, а когда наконец заснула, сны были пустые, без образов.

А в это же время, на подоконнике, за окном, сидел большой полосатый кот и смотрел в окно жёлтыми глазами. Посидел, посидел, спрыгнул и ушёл в ночь, оставив на стекле мокрый след от влажной шерсти.

* * *

Утром Вера проснулась с чувством, что ночью случилось что-то важное, но что именно — не вспомнила. Сон ускользнул, оставив только лёгкую тревогу, как бывает, когда забу-

дешь выключить утюг или закрыть дверь. Она умылась, сварила кофе (строго три минуты, строго одна ложка на чашку) и прошла в комнату, к рабочему месту. На столе лежала фата. Рядом — иглы, челноки и катушки. Вера машинально пересчитала нити и замерла.

Одной не хватало.

Она перерыла ящики, заглянула под стол, под диван. Нитки исчезли. Та самая катушка с идеально подобранным цветом, которую она вчера с таким удовольствием вертела в руках, — пропала.

— Ерунда какая-то, — пробормотала Вера. — Не могли же нитки сами укатиться.

Она подумала, что, возможно, вчера, в волнении, положила их не туда. Или они закатились куда-нибудь. Но в комнате был такой порядок, что закатиться здесь мог разве что очень решительный и целеустремленный предмет.

Пришлось доставать запасную катушку. Такая же нитка, тот же номер, та же партия. Вера успокоилась, села за работу и к вечеру сделала первый фрагмент — аккуратно, узелок к узелку, восстановила небольшой уголок узора. Работа шла хорошо. Даже слишком хорошо. Нитка слушалась, пальцы не дрожали, и Вера поймала себя на мысли, что вчерашнее волнение было напрасным. Она — профессионал. Она справится.

Наступила ночь. Вера легла спать с чувством выполненного долга.

И снова ей приснилась та же женщина. Теперь она сидела на скамейке в городском саду, в том самом платье и фате, и что-то шила. Вера подошла ближе — и похолодела. Женщина держала в руках её нитки. Современные, синтетические, идеально ровные. И этими нитками она зашивала разрыв на фате — грубо, крупными стежками, не по правилам, не по рисунку.

— Что вы делаете? — хотела крикнуть Вера. — Это же не так! Вы всё портите!

Но женщина подняла голову, и Вера увидела её лицо. Очень знакомое лицо. Те же глаза, что у прабабушки на молодых фотографиях, тот же разрез губ. И взгляд — живой, тёплый, чуть насмешливый.

— Не мешай, моя хорошая, — сказала женщина. — Я знаю, что делаю.

Вера проснулась. Было три часа ночи. Луна светила в окно так ярко, что комната казалась залитой молоком. Вера встала и подошла к столу.

Катушки снова не хватало.

Она обвела взглядом комнату и вдруг заметила на подоконнике мокрый след. Кошачья лапа. Отчётливо, пять подушечек. Вера распахнула окно. Внизу, во дворе, никого не было. Только лужи блестели после недавнего дождя.

— Кот, — сказала Вера вслух. — Готова поспорить, этот тот самый мокрый кот.

Она вспомнила Ваньку — его влажную шерсть, присталь-

ный взгляд, то, как он сидел у комода, будто на самом деле знал, что там лежит фата. И то, как старик отзывался о рыжем.

— Особенный, значит, — прошептала Вера. — Ну-ну...

Она достала из шкафа новую катушку, положила на видное место и села в кресло, погасив свет. Ждать пришлось долго. Луна ползла по небу, тени двигались, Вера начала клевать носом, но заставила себя не спать.

Около пяти утра, когда небо на востоке уже начало сереть, на подоконнике появилась тень. Ванька сидел снаружи, на узком карнизе, и смотрел в комнату. Вера затаила дыхание. Кот подождал, затем ловко, одним движением, просунул лапу в щель между рамами (Вера и не заметила, что окно не заперто до конца), нажал на шпингалет и открыл створку. Спрыгнул на пол. Прошёл к столу, даже не оглядываясь, точно был у себя дома. Взял катушку зубами, аккуратно, не повредив нитку, и повернулся к окну.

Вера включила свет.

— Стоять, — сказала она негромко.

Кот замер. Он не бросил катушку, не попытался убежать. Он просто сел на пол, поджав хвост, и посмотрел на Веру. В его жёлтых глазах не было ни страха, ни вины. Было спокойствие и какое-то терпеливое ожидание. Будто он давно ждал этой встречи.

— Ты зачем мои нитки воруешь, негодник? — спросила Вера, сама удивляясь тому, что говорит с котом.

Кот моргнул. Один раз. Медленно.

— Погоди, может и ты мне снишься? — продолжала Вера.

— Как та женщина.

Кот моргнул снова. Или ей показалось?

— Отдай катушку!

Кот не двинулся.

Вера встала и сделала шаг к нему. Кот подобрался, но не убежал. Она протянула руку — он чуть отстранился, но катушку не выпустил. Они стояли так посреди комнаты, освещённые резким электрическим светом, — женщина в ночной рубашке и большой полосатый кот с катушкой ниток в зубах.

— Так, ладно, — сказала Вера и, к своему собственному удивлению, села на пол, прямо на холодный паркет. — Ну заберешь ты ее. Но зачем?..

Кот, видимо, решив, что аудиенция окончена, неторопливо пошёл к окну. У самого подоконника он остановился, обернулся и посмотрел на Веру так, что ей стало не по себе. В этом взгляде было что-то... человеческое. Слишком понимающее.

А потом он прыгнул в окно и исчез.

Вера подошла к подоконнику, высунулась наружу. Никого. Только мокрые следы на черепице крыши соседнего флигеля вели куда-то вверх, к трубам.

В эту ночь она больше не спала.

Следующие две ночи проходили по одному сценарию. Вера оставляла катушку, пряталась в кресле, кот приходил и забирал её. Мышеловки, которые Вера расставила вокруг стола, кот обходил с таким видом, будто это были забавные игрушки, не стоящие внимания. Окна Вера закрывала — кот умудрялся открывать их снаружи, просовывая лапу в любую щель. Казалось, его не остановить.

Осталась последняя катушка.

Вера решила: этой ночью она пойдёт за ним.

Она надела тёплый плащ, удобные ботинки, положила в карман фонарик. Спряталась в кресле и стала ждать. Кот пришёл, как обычно, около четырёх. Взял катушку, глянул в сторону кресла (Вера на миг замерла, даже дышать перестала), и направился к окну.

Как только он исчез, Вера вскочила и выбежала на лестницу. Она успела заметить, как его тень мелькнула во дворе и ускользнула в подворотню.

Ночной город был пуст. Фонари горели вполнакала, луна спряталась за облака, и улицы казались декорациями к незнакомому готическому спектаклю. Вера бежала за котом, стараясь не упустить его из виду. Он двигался быстро, но не слишком, будто дразнил, будто проверял, последует ли она за ним.

Они миновали несколько переулков, вышли на набережную, потом свернули в старую часть города, куда Вера почти никогда не заходила. Дома здесь стояли низкие, с покатыми черепичными крышами, окна были тёмные, мостовые — булыжные, стёртые временем.

Кот привёл её на площадь, которой Вера никогда раньше не видела. Небольшая, треугольная, зажатая между тремя старыми зданиями с облупившейся штукатуркой. В центре площади стоял фонтан.

Он был старый, чугунный, в виде огромной чаши, поддерживаемой тремя каменными русалками. Русалки давно облысели, носы у них были отбиты, из губ не текла вода. Фонтан был сух — точно еще с прошлого века. Но в эту ночь, при свете выглянувшей луны, чаша казалась наполненной. Не водой — светом. Гладкая, влажная поверхность, в которой отражались звёзды.

Кот подошёл к фонтану, легко вспрыгнул на край чаши, постоял, глядя вниз, и прыгнул внутрь. Вера ахнула. Но вместо глухого удара о камень раздался всплеск. Настоящий, звонкий всплеск воды.

Она подбежала к фонтану. Чаша была совершенно пуста — ни воды, ни кота. Только мокрые следы на дне, быстро исчезающие на глазах. И странный запах — лета, травы, сирени. Тёплый пар поднимался от фонтана, хотя ночь была прохладной.

Вера протянула руку и коснулась края чаши. Пальцы

встретили не холодный камень, а что-то иное. Зыбкое, тёплое, податливое, как кромка речной воды.

Она знала, что это безумие. Что так не бывает. Что она, взрослый человек, реставратор с дипломом и рассудком, не должна лезть в какой-то старый фонтан посреди ночи. Но катушка была последняя... И фата, наконец, нашлась. И прабабушка из сна... Вера вдруг поняла, что должна это сделать. Не ради ниток. Ради себя и всего, что ей ценно.

Она перелезла через край и шагнула в пустоту.

* * *

Девушка ожидала падения, удара, холода — ничего не было. Был миг темноты, лёгкое головокружение, будто на карусели, а потом свет ударил в глаза — яркий, солнечный, как настоящий.

Вера стояла на траве. Высокая, сочная, зелёная трава, каких в городе давно не видывали. Над головой — синее-синее небо с лёгкими облачками. Пели птицы. Пахло сиренью, нагретой землёй и ещё чем-то сладким, вроде пирожков с яблоками.

Она огляделась. Это был тот же город, но другой. Дома — знакомые, но чистые, покрашенные, без кондиционеров и проводов. Вывески — старые, с вензелями. По мостовой проехал извозчик, цокая копытами. Дама в длинном платье и шляпке везла перед собой детскую коляску на огромных

колёсах.

Вера стояла посреди этого сна наяву, чувствуя, как кружится голова. Она опустила взгляд на свои руки — в часах на запястье светились цифры «04:17». А вокруг был ясный полдень.

— С ума сойти... — сказала она вслух. Голос прозвучал глухо, будто ватный.

— Не сойдёшь, — раздалось рядом.

Вера обернулась. На скамейке, укрытой тенью старого клёна, сидел Ванька. Не тот вечно мокрый ниточный воришка, а вроде бы и такой же, да только шерсть у него теперь была сухая и пушистая. Он сидел и смотрел на Веру с выражением, которое у людей называется «ну наконец-то».

— Ты... ты говоришь? — прошептала Вера.

Кот моргнул и отвернулся. Говорить он, видимо, не собирался. А может и прошлая фраза ей всего лишь показалась... Вместо слов он поднялся, потянулся и неторопливо пошёл по дорожке вглубь парка. Вера, не раздумывая, пошла за ним.

Они вышли к небольшой площади с тем же фонтаном, но здесь из него била вода, чистая и прозрачная, и дети бегали вокруг с сачками. Кот обогнул фонтан и направился к скамейке, стоявшей чуть поодаль, у кустов сирени.

На скамейке сидели двое.

Молодая женщина в светлом платье — та самая, из сна. Прабабушка Лидия. Рядом с ней — мужчина, тонкий, интел-

лигентный, в светлом костюме и шляпе, которую он держал в руках. Лицо у него было грустное, глаза — преданные, как у пса, которого оставляют дома.

Вера замерла за кустом и стала смотреть. Сердце её кололось где-то в горле.

– Лида, — говорил мужчина, голос у него был негромкий, с лёгкой хрипотцой. — Лидонька, не ходи за него. Я без тебя пропаду. Ты же знаешь.

– Павел, — отвечала Лидия, и голос её дрожал. — Пашенька, не надо. Ты же сам знаешь — родители не велят. У тебя дорога дальняя, ты уедешь, а я здесь останусь, оди-нешенькой. А он — свой, надёжный, дом у него, лавка. Маменька говорит — пристроит меня хорошо...

– А ты? — спросил Павел. — Ты-то сама чего хочешь? К нему?

Лидия помолчала, глядя в сторону. Потом повернулась к мужчине, и Вера увидела, что глаза у неё на мокром месте, хотя она и пытается улыбаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.